

МОРСКИЕ ЕЖИ В ПАРОДИИ МАТРОНА ИЗ ПИТАНЫ (fr. I, 18-21 (O.-S.))

Ключевые слова: Матрон из Питаны, Гомер, гексаметр, versi detorti, центон, морские ежи.

Статья посвящена интерпретации стт. I. 18–21 (fr. I Brandt; fr. I O.-S.; SH 534) гастрономической гексаметрической пародии Матрона из Питаны. Этот пассаж является одной из самых ранних известных нам центонных адаптаций гомеровских стихов. Кроме аргументов литературного, естественнонаучного и гастрономического характера автор привлекает материал мозаик, выполненных в стиле «Неприбранный дом».

E. L. ERMOLAEVA

St. Petersburg State University

MATRO PITANEUS, *Symposium Atticum* fr. I, 18–21 (O.-S.): echini

Keywords: Matro of Pitane, Homer, versi detorti, hexameter, cento, sea-urchins.

A fragment of Matro of Pitane preserved by Atheneus of Naucratis and conventionally entitled the “Attic Dinner-Party” is a masterpiece of epic gastronomy parody of 4-th c. BC. This article is devoted to interpretation of vv. I.18–21 where a narrator says that at the dinner-party he throws the sea-urchins down onto the floor and they roll among the feet of slaves like Patroclus’ helmet among the feet of horses. The long spiny hairs are pulled out from their head by the roots. The problem is why the narrator throws the urchins, whether he eats them or not, and who pulls out the spines of urchins: the narrator in order to make them edible or servants or the sea-urchins themselves. I intend to prove that the narrator eats the sea-urchins with a great pleasure and throws their empty shells down. One of the arguments of my interpretation is ancient mosaics in technique of *Asarotos oikos* showing the picturesque dinner garbage. I think that the passage impresses better, if the point is that the sea-urchins themselves tear out their spines (I.21) like the Homeric Agamemnon does his hair (Il.10.15). Some inconveniences of verses I.18–21 could be explained by a technique of cento.

Современному читателю не всегда очевидно, в чем заключается *granum salis* античной шутки. В этой статье речь пойдет о сохранившейся у Афиней (4.134d—7c) небольшой гексаметрической пародии Матрона из Питаны (IV BC), которую Исаак Казобон охарактеризовал как «*elegans parodia, carmen ingeniosum et leporis ac venustatis plenissimum*» [Isaaki Casauboni..., 1796, T. I, p. 318]. Смысл некоторых стихов, и в частности стт. I. 18–21 (fr. I Brandt; fr. I O.-S.; SH 534), которым посвящена статья, остается темным, существующие же комментарии противоречивы¹. Стт. I. 18–21 заслуживают внимания еще и потому, что являются одним из самых ранних дошедших до нас античных центонов и, следовательно, представляют интерес для истории техники центонной поэзии. Между тем в известных мне очерках истории античного центона Матрон не упоминается².

Приведем греческий текст стт. I. 14–21 (fr. I O.-S.) и перевод пародии с самого начала, включая интересующие нас стихи.

ἐνθ' ἄλλοι πάντες λαχάνοις ἐπὶ χεῖρας ἴαλλον,
 15 ἄλλ' ἐγὼ οὐ πιθόμην, ἄλλ' ἤσθιον εἶδατα πάντα,
 βολβοὺς ἀσπάραγόν τε καὶ ὄστρεα μυελόεντα,
 ὠμοτάριχον ἐῶν χαίρειν, Φοινίκιον ὄψον.
 18 αὐτὰρ ἐχίνους ῥίψα καρηκομῶντας ἀκάνθαις·
 οἱ δὲ κυλινδόμενοι καναχὴν ἔχον ἐν ποσὶ παιδῶν
 ἐν καθαρῷ, ὅθι κύματ' ἐπ' ἠϊόνος³ κλύζεσκε·
 21 πολλὰς δ' ἐκ κεφαλῆς προθελύμνους εἶλκον ἀκάνθας.

Муза, скажи мне о том многообильном пире, которым потчевал нас в Афинах Ксенокл. Я пришел туда, подгоняемый ужасным голодом. Там же я увидел много прекрасных хлебов белее снега, вкусом похожих на пироги. Когда их пекли, даже Борей воспылал к ним любовью. Ксенокл сам обходил ряды (пирующих) мужей,

¹ По поводу стт. I, 18–21 в этой статье предполагается полемика с Ф. Конделло, опубликовавшим в процессе подготовки итальянского комментария к Матрону ряд статей *Matroniana*: [Condello, 2002, pp. 133–150 (о стт. 18–21: 137–141)]. В статье учитываются следующие комментарии к fr. I, 18–21: [Schweighaeuser, 1802, pp. 429–430; Peltzer, 1855; Brandt, 1888; Lloyd-Jones, Parsons, 1983; Olson, Sens, 1999].

² Краткий обзор истории античного центона и библиографию см. во вступлении к изданию центонной из стихов Вергилия «Медее»: [Osidio Geta, 1981]. О самых ранних древнегреческих центонах см. [Stemplinger, 1912, S. 193–194] (пассаж из Матрона не упоминается).

³ V. I. εἰλαπίνης Wachsmuth (см. ниже).

а рядом с ним был паразит Херефонт, похожий на голодную чайку, знавший толк в чужих обедах. Между тем повара, во власти которых великое небо печей, стали накрывать на столы. Они могли приблизить или отдалить время обеда, как во власти гомеровских Гор были сроки человеческой жизни. **Но вот все протянули руки к овощам, а я сделал по-своему, стал пробовать соленья⁴: спаржу, лук, устриц, наполненных мозгом, до соленой рыбы я не дотронулся — финикийское блюдо⁵. А морских ежей, кудреглавых колючками, я бросил, они же, катясь, хрустели под ногами у слуг в том просторном месте, где волны бились о берег. С корнем во множестве они вырывали из головы колючки.**

Место, где речь идет о морских ежах, вызывает сразу несколько вопросов: почему рассказчик бросает морских ежей, при чем тут волны, наконец, кто и зачем вырывает колючки на голове у ежей.

Почему рассказчик бросает морских ежей?

Варианты ответов. 1. Рассказчик не ест морских ежей из-за их колючек: не знает, как их нужно есть (историю о незадачливом спартанце см. ниже) [Peltzer, 1855, pp. 50–51]; другая причина: пища с колючками — это для бедных [Condello, p. 140]. 2. Бросает, чтобы расколоть и добыть содержимое (Gulick) [Athenaeus, 1987, p. 119]. 3. Бросает панцирь (скорлупу) ежей, предварительно съев содержимое [Olson, Sens, 1999, p. 88]. 4. Потому что это такой шик — бросить на пол дорогой деликатес (идея, высказанная Е. Г. Рабинович в беседе). 5. Рассказчик и его товарищи развлекаются, глядя, как на ежеей наступают слуги «probably part of the joke»

⁴ *παστά* SH 534 conii Wachsmuth («соленья») конкретнее и потому, кажется, лучше, чем *πάντα* («всякие блюда») (Ath., Brandt, O.-S.).

⁵ *τάριχος* (*lat.* salsamentum) понимают как «соленая рыба» [Curtis, 2001, p. 320]. «Финикийская» потому что греки могли экспортировать пунийскую особенным способом соленую рыбу из городов на юго-восточном побережье нынешней Испании, основанных некогда финикийцами. Например, в области нынешнего Кадиса, или Кадикса (*гр.* Гадира, *лат.* Gades, *исп.* Cadiz), археологи находят остатки сооружений для соления рыбы (*the Punic salting installation*), промысел, который процветал здесь между 430 и 325 гг. и исчез к 200 г., вероятно, из-за Пунических войн [Curtis, 2001, pp. 319–320]. Виламовиц понял эту реплику иначе: «Das ist Futter für Phönikiere», в том же духе, что и ст. 83: «Das mögen Weiber essen» [Wilamowitz, 1962, S. 333 (77)]. Виламовицу следуют и Ллойд-Джонс, Парсонс (SH): «cibum est Phoenicibus, id est plebei barbarae, idoneum».

[Olson, Sens, 1999, p. 89]). 6. Бросает ежей, потому что принесли следующее блюдо — аппетитную сардинку (Degani: «as soon as he sees the more appetizing Phalaric anchovy») [Degani, 1995, p. 417]. 7. Бросает слугам, чтобы те съели («*pueri echinos a Matrone proiectos spinis extractis comedunt*» [Brandt, 1888, p. 75]; Condello присоединяется [Condello, 2002, p. 140]).

Морские ежи считались деликатесом у греков и римлян, их подавали в начале обеда в качестве закуски, ὄψων. В таком контексте они упоминаются у греческих комедиографов V–III вв. до н. э.: Nicostr. Com. fr. 2.2 (Kock), Lynk. fr. 1.7, 19 (Kock), Archipp. fr. 24 (Kock), Alex. fr. 15, 6 (Kock). У Энния в «*Heduphagetica*» (SH 193): *dulces quoque echini* (11).

О вкусовых качествах морских ежей писал Афиней (3. 91 a–d): «Морские ежи имеют нежное мясо, они сочны, сильно пахнут, сытны и легко перевариваются. Если их есть вместе со смесью меда и уксуса, а также сельдереем и мятой, то они полезны для желудка, сладки и сочны» [Афиней, 2003]. О том, что у морских ежей нет мяса, которое Афиней назвал τῆν σάρκα, знал уже Аристотель (НА 530 а 34 — б 3)⁶. У ежа съедобна икра, расположенная в виде пяти сегментов красного цвета и занимающая максимум 20 % того, что содержится внутри панциря. Чтобы добраться до икры, нужно правильно вскрыть ежа специальным ножом, который у римлян назывался *rastrellus*⁷.

⁶ Небольшая справка о морских ежах: внутренности морского ежа заключены в известковой скорлупе, хрупкой, жесткой и шероховатой. Аристотель относит морских ежей к группе τὰ ὀστράκωδερμα (НА 527b.35), *черепокожих* (поверх скорлупы у них находится кожица с иглами размером от 2 мм до 30 см в зависимости от вида). Ученые насчитывают 2000 видов морских ежей. Иглы служат ежу, как писал Аристотель, орудием защиты, а кроме того — органами передвижения, так что исполняют роль ног, а также рук. Органическая оболочка — кожица с иглами — не сохраняется, когда еж погибает. У правильных морских ежей рот снабжен жевательным аппаратом, который служит для соскрёбывания водорослей с камней. Он называется *аристотелев фонарь*. С его помощью морские ежи соскребают водоросли с камней, просверливают норы в скалах, где прячутся во время отлива и от хищников.

⁷ В современном *ит.* *gastrelle*. Уже древние понимали, что икра ежей полезна для здоровья, античные врачи рекомендовали ее как средство, улучшающее пищеварение. См.: [Keller, 1913, S. 571–574; Thompson d' Arcy, 1947, pp. 70–73]. В современных справочниках говорится об исключительно полезных свойствах икры морских ежей, скажем, витамина А в ней содержится в 20 раз больше, чем в корне женьшеня. Японцы включили ее в противорадиационную диету после ядерных бомбардировок 1945 г.

Гурманы ценили морского ежа как закуску. У римлян его воспел Марциал (XIII, 86): *iste licet digitos testudine pugnat acuta, / cortice deposito mollis echinus erit* (*Пусть он и колет тебе оболочкою острою пальцы, / Но, коли снять скорлупу, нежен ты, ежик морской*, пер. Ф. А. Петровского). Упоминают Плавт, Варрон, Петроний и другие⁸.

В «Поваренной книге» Апиция есть пять рецептов приготовления ежей (*De coquinaria* IX, 415–419 (= 8.1–5)), в двух из которых речь идет о том, как нужно подавать к столу соленых ежей (418–419 = 8.4–5): «*in echino salsa: echinum salsum cum liquamine optimo, caroeno, pipere, temperabis et adpones. Aliter: echinis salsis liquamen optimum admisceas, et quasi recentes apparebunt, ita ut a balneo sumi possint*» [Apicius l'art culinaire, 1969, p. 79]. Апиций советует подавать соленых ежей с самым лучшим гарумом, сладким вином — и поперчить, тогда они совсем как свежие, словно из бани.

Когда речь заходит о том, как ели морских ежей в античности, обычно цитируется анекдот из Афиней (3.41.33 = fr. 15 Gaede):

Δημήτριος δ' ὁ Σκήψιος ἐν ἔκτῳ καὶ εἰκοστῷ τοῦ Τρωικοῦ διακόσμου Λάκωνά φησί τινα κληθέντα ἐπὶ θοῖναν παρατεθέντων ἐπὶ τὴν τράπεζαν θαλαττίων ἐχίνων ἐπιλαβέσθαι ἑνός, οὐκ εἰδότα τὴν χρῆσιν τοῦ ἐδέσματος, ἀλλ' οὐδὲ προσέχοντα τοῖς συνδειπνοῦσι πῶς ἀναλίσκουσιν· ἐνθέντα δὲ εἰς τὸ στόμα σὺν τῷ κελύφει βρῦκειν τοῖς ὀδοῦσι τὸν ἐχίνον. δυσχρηστοῦμενον οὖν τῇ βρώσει καὶ οὐ συνιέντα τὴν ἀντιτυπίαν τῆς τραχύτητος εἰπεῖν· ὧ φάγημα μιαρὸν, οὔτε μὴ νῦν σε ἀφέω μαλθακισθεῖς οὔτ' αὖτις ἔτι <κα> λάβοιμι.'

v. 1 μαλθακισθῆῶς

Деметрий из Скепсиса⁹, в 26 книге «Боевое построение троянцев» рассказывает, что некий спартаец, приглашенный на пир, когда

⁸ Возможно, для доставки свежесобранных морских ежей к обеду у Ксенокла или Корнелия Лентула требовался специальный штат слуг, потому что одна порция икры, согласно рецептам современной новогреческой кухни, составляет приблизительно 20–30 ежей. Собираание ежей небезопасно из-за их острых, нередко ядовитых колючек, так что сейчас их собирают в специальных перчатках.

⁹ Деметрий, ученый, географ и антиквар из Скепсиса в Трояде, живший во II в. до н. э., был известен благодаря своему сочинению «Расположение троянского войска», в котором он дал обширный комментарий географического характера к «Илиаде», в частности, ко второй песни, где описывается троянский контингент (II, 2, 816–877). Его эрудиция и знание Трояды стали источником сведений по географии и истории Трояды для Страбона (13-я книга), Афиней же использует его как занимательного рассказчика.

на стол положили морских ежей, взял одного; не зная, как его нужно есть, и не обращая внимания на то, как это делают другие пирующие, он, положив ежа в рот вместе с панцирем, стал грызть его зубами. Оказавшись в трудном положении из-за этого блюда и не понимая, как справиться с его колючками (колючестью), он сказал: «О, негодная пища, я теперь не выплону тебя, проявив слабость, но и впредь никогда больше не возьму».

Так и представляется спартанец с лисой за пазухой и с морским ежом во рту. Анекдот о глупом спартанце это свидетельство от обратного — о том, как не надо есть морских ежей. Приняв допущение, что способ есть морских ежей не изменился принципиально за последние 2,5–2 тысячи лет, я обратилась к новогреческой кухне. Современные греки подают половинки морских ежей в скорлупе прямо с колючками, предварительно вскрыв панцирь специальным ножом¹⁰. В икру ежей добавляют специи, приправы, лимон и другие ингредиенты. Существует большое разнообразие рецептов¹¹. Ежей едят сырыми, втягивая губами содержимое, или варят, как яйца, в воде, и затем, вскрыв ножом, едят полусырыми, словно мидию из ракушки, а также солят или запекают.

Судя по анекдоту Деметрия, со скорлупой их подавали и в античности¹².

Греки по большей части ели руками, хлебом вытирали пальцы после жирной пищи. Я думаю, что морских ежей они ели прямо из скорлупы, как яйцо, сваренное всмятку, с помощью ложечки с острым концом *κοχλεάριον* (*lat. cochlear*)¹³.

¹⁰ <http://www.mageirikesdiadromes.gr/component/kunena/?func=view&catid=12&id=5709>; <http://www.msadventuresinitaly.com/blog/2007/08/28/catching-and-eating-ricci-di-mare-sea-urchins/> Дата обращения 8.07.2012.

¹¹ Εκεί αναφέρονται αχινοί παστοί, αχινοί με αυγά και αχινοί στο μαγκάλι ψητοί στην στάχτη! Σάλτσα για αχινό: παίρνεις πιπέρι, λίγο βάλσαμο (ξερό δυόσμο), οινόμελι, λικουαμέντ, ναρδλοσταχυσ, και αρωματικό φυλό. [<http://www.mirsini.gr/index.php?id=1190>. Дата обращения 8.07.2012].

¹² Хосе Гарсия Солер, автор книги об античной кухне, делает следующий вывод: «Мы не можем говорить с уверенностью о том, как именно их ели, хотя Афиней дает нам понять, что их подавали главным образом невареными и в панцире» [Solер, 2001, p. 146].

¹³ См. изображение *κοχλεάριον*: [Daremberg, Salio, 1892. S. v.].

Кроме того, из Аристофановских приапических стихов, которые цитирует Афиней, ясно, что содержимое ежа могли просто вылизывать из скорлупы (Deipn 3.41.16=fr. 409.2 (Edmonds)):

δαρδάπτοντα, μιστύλλοντα, διαλείχοντά μου
τὸν κάτω πλατάγγην¹⁴.

Современный способ есть икру морского ежа аналогичный: ее достают маленькой ложечкой, ножом или языком¹⁵.

Вернемся к пассажиру Матрона. Я склонна согласиться с Олсоном и Сенсом в том, что рассказчик ест ежей, а их пустую скорлупу бросает на пол¹⁶. Виламовиц так и говорит: «...dass jeder den Abfall auf den Boden wirft, ist Sitte» («... <на пиру было> принято, чтобы каждый бросал объедки на пол») [Wilamowitz, 1962, S. 333 (77)].

Учитывая все вышесказанное, предлагаю дополнительный аргумент. То, что скорлупу ежей принято было бросать на пол, прекрасно иллюстрируют античные мозаики, выполненные в стиле «Неприбранный дом» (Asarotos oikos; ungefegte Raume) [Andreae, 2012, S. 46–51]. Так назывался популярный в античности тип мозаичной декорации триклиниев: из мельчайших тессер мраморов и полудрагоценных камней на полах выкладывались натюрморты, воспроизводящие послеобеденный мусор. Иллюзия реальности должна была обманывать глаз. Самой знаменитой мозаикой такого типа была работа Соса (III–II вв. до н. э.) для дворца в Пергаме. Ее упоминает Плиний Старший в «Естественной истории» (36. 184). Сама мозаика не сохранилась, но до нас дошли ее древнеримские копии и интерпретации. В 1833 г. в Риме перед Аврелианской стеной южнее Авентина на одной из вилл была найдена мозаика, воспроизводившая мозаику Соса в Пергаме (Rom, Vatikanische Museen Inv. 10132, 130 n. Chr.) [Andreae, 2012, S. 46–51]. На ней среди про-

¹⁴ *Спананг* — вид морского ежа.

¹⁵ «To eat the sea urchin, tip it to drain out any remaining liquid, and you can scoop out the rows with your tongue one at a time, or use a knife or small spoon» [<http://www.msadventuresinitaly.com/blog/2007/08/28/catching-and-eating-ricci-di-mare-sea-urchins/> Дата обращения 8.07.2012].

¹⁶ «The passage as a whole works much better, however, if the point is that that the narrator eats the sea-urchins with great relish (as opposed to wanting to do with the ὠμοτάριχον) and then throws the creature's empty shells down onto the floor, where they roll about like Patroclus' helmet» [Olson, Sens, 1999, p. 88].

чего живописного мусора (всего 32 вида предметов)¹⁷ можно увидеть и пустые половинки скорлупы морских ежей с колючками, похожие на оболочку каштана¹⁸.

Частица *ἀντάρ*, вводящая фразу о ежах, указывает на последовательность действий и в то же время на легкое противопоставление: «*Habet minorem vim quam ἄλλὰ, sed maiorem quam δέ*»¹⁹. Рассказчик оставил рыбу лежать на блюде, **скорлупу же ежей бросил на пол**, предварительно съев прекрасную закуску, иначе и ее оставил бы лежать нетронутой, как овощи, о которых рассказчик говорит, что *οὐ πιθόμην* (15). Авторы пародии любят использовать мотив «вегетарианство это для бедных или неприхотливых»: в «Батрахомиомахии» гурман мышонок Псигарпаг (букв.: Душегуб) не ест овощей *οὐ τρώω* (53), так как это пища для лягушек, *ταῦτα γὰρ ὑμῶν ἐστίν* (55) — говорит он лягушке Фюсигнату (Вздуломорде), чей отец Пелей (Грязный)²⁰.

Таким образом, на первый вопрос я ответила бы так: рассказчик ест морских ежей и бросает на пол их скорлупу с колючками.

При чем тут волны?

Стт. I. 19–20:

οἱ δὲ κυλινδόμενοι καναχὴν ἔχον ἐν ποσὶ παίδων
ἐν καθαρῷ, ὅθι κύματ' ἐπ' ἠϊόνος κλύζεσκε·

Они же, катаясь, хрустели под ногами слуг на чистом пространстве, где волны бились о берег.

¹⁷ «Tierknockhen, Huehnerbeine, Fisschgraeten, Partikel von Meerfruechten, halbe Seeigel, Muscheln und Schnecken, Fruechte, Nuesse, Salatblaeter...» [Andreae, 2012², S. 48].

¹⁸ По-латыни каштан называется *echinus*, а англичане, наоборот, морских ежей называют морскими каштанами (*seachestnuts*).

¹⁹ Эта короткая формулировка Эбелинга лучше всего обобщает значение *ἀντάρ* [Ebeling, 1963, pp. 196–198; *Lexikon des frühgriechischen Epos*, 1980, S. 1563–1579]. «Weakly adversative, or purely progressive (a commoner use)» [Denniston, 1954², pp. 55–56].

²⁰ О мотиве «овощи — еда для бедных» см. подробнее в статье Сенса, посвященной технике позднеклассической и эллинистической пародии [Sens, 2005, pp. 225–227].

То, что стихи I. 18–21 воспроизводят гомеровские гексаметры, было отмечено уже Пельцером (1855) и Брандтом (1888), которые приводят следующие *Homeri detorti versus*:

18 κερηκομόωντας Ἀχαιοὺς v. I. κάρη κομόωντας Ἀχαιοὺς
(e. g., *Il.* 2.11; *Od.* 1.90; 2.7.)

19 δὲ κλυιδομένη καναχὴν ἔχε ποσσὶν ὑφ' ἵππων
(*Il.* 16.794, о шлеме Патрокла (κυνέη, ἀλῶπις τρυφάλεια)).

20 ἐν καθαρῷ, ὅθι κύματ' ἐπ' ἠϊόνος κλύζεσκον·
(*Il.* 23.61, о месте на морском берегу, где Ахилл оплакивает Патрокла.)

21 πολλὰς ἐκ κεφαλῆς προθελύμνους ἔλκετο χαίτας
(*Il.* 10.15, об Агамемноне, рвущем в отчаянии волосы на голове.)

Девятнадцатая строчка имитирует гомеровские стихи, где сказано, что шлем Патрокла, сбитый с его головы Аполлоном, катясь, бряцал под ногами у коней. Похожие на маленькие шлемы, круглые пустые панцири ежей, брошенные рассказчиком, хрустят под ногами у слуг (на аллитерацию k-h обращают внимание Олсон и Сенс) [Olson, Sens, 1999, p. 88]. Продолжение фразы, ст. 20, отсылает нас совсем к другой песни II. 23.61, где Ахилл лежит на берегу моря, оплакивая Патрокла.

Матрон заимствует стих ἐν καθαρῷ, ὅθι κύματ' ἐπ' ἠϊόνος κλύζεσκε без каких-либо изменений.

Куда же бросает ежей наш рассказчик? В самом начале пародии сказано, что дом Ксенокла находился в Афинах, следовательно, далеко от берега: ἃ Ξενοκλῆς ῥήτωρ ἐν Ἀθήναις δείπνισεν ἡμᾶς (fr. I.2).

Швайгхойзер допускал, что порт Пирей мог считаться частью Афин, а значит и дом Ксенокла, находясь в Пирее, мог стоять на берегу моря [Schweighaeuser, 1802, pp. 429–430]. Для Пельцера ясно, что раз ежей бросают на морской берег, значит, дом стоит возле порта [Peltzer, 1855, p. 50].

Вакмут [Brandt, 1888, p. 74] обошелся без Пирея: ежей бросали прямо на улицу, а пирующие шумели, словно морской прибой.

Он внес конъектуру: ὄθι κύματ' ἐπ' εἰλαπίνης κλύζεσκε, где εἰλαπίνης относится к κύματ' ἐπ', так что получился перифраз — «где волны пира шумели (ἐπεκλύζεσκε)».

Шнайдер тоже видел здесь сравнение с шумом морских волн, однако он сравнивал не голоса пирующих гостей, а треск и шуршание («ein solches Klatschen und Patschen») панцирей морских ежей под ногами у слуг за окном. Он предлагал понимать союз ὄθι («где») в значении ὡς («словно») или ἄτε, объясняя очевидную неувязку тем, что Матрон воспроизвел гомеровский стих без изменений [Schneider, 1894, S. 381–383]²¹.

Штадтмюллер представлял картину иначе: ежей бросали на пол вместе с другими объедками, так что поток мусора стекал волной²².

Олсон и Сенс ограничиваются комментарием только к ἐν καθαρῶ: у Матрона это должно указывать на пространство не в той части комнаты, где пируют гости, но там, где находятся слуги [Olson, Sens, 1999, p. 89].

Убедительнее всех сказал Виламовиц: «*«*Noch ist der Fussboden rein, denn das Essen fängt erst an» [Wilamowitz, 1962, S. 333 (77)]. Ллойд-Джонс, Парсонс в комментарии в *Supplementum Hellenisticum* 534 (1983) фактически повторяют его, правда, без ссылки: «*in mundo adhuc pavimento*» «на каменном (мозаичном) полу, пока еще чистом» [Supplementum Hellenisticum, 1983, p. 263]. И действительно — ведь пир еще только начался.

Выражение ἐν καθαρῶ, ὄθι встречается у Гомера трижды (II. 8.491; 10.199; 23.61) в значении «на свободном пространстве». Сам Матрон еще раз в другом месте обращается к этой формуле, меняя, по своему обыкновению, лишь одно слово в гомеровском стихе (fr. I. 86 O.-S.): βατάνη... / ἐν καθαρῶ, ὄθι περ **λοπάδων** διεφαίνετο χῶρος (fr. I. 86 O.-S.) (*кастрюля (сковородка?)*)... *лежала на том месте, которое оказалось свободным от тарелок*).

²¹ На эту статью не ссылаются пишущие о Матроне, то ли потому, что она прошла незамеченной, то ли не придают идее Шнайдера значения, что можно понять.

²² Stadtmuellerus: «*in solo (vel ante fores) quo sordes, i. e. res abiectae, e convivio mittebantur, ut fluctuum instar adluerent*» [Brandt, 1888, pp. 74–75].

У Гомера ἐν καθαρῷ, ὅθι δὴ νεκύων διεφαίνετο χῶρος (Π. 8.491 Гектор собирает троянцев на совет близ кораблей в том месте, которое оказалось свободным от трупов; Π. 10.199 Агамемнон, Нес-тор осматривают дозоры...).

При знакомстве с копией мозаики Соса в стиле «Неприбранный дом», становится очевидным, что при интерпретации I. 86 нет необходимости отказываться от гомеровского значения «чистого, то есть свободного пространства» для ἐν καθαρῷ (для сравнения — русское фольклорное «в чистом поле»). На фотографии пола с мозаикой отчетливо видно, что мозаика покрывает пол по периметру триклиния с трех сторон на том пространстве, где не стояли лежа, показывая, таким образом, где обычно оставался мусор. Значит, его бросали просто на пол — на свободное пространство (Чарльз Гьюлик перевел: «in an open space»).

В продолжении стиха («где волны бились о берег») Виламовиц видит «nur lustigen Unsinn» [Wilamowitz, 1962, S. 333 (77)]. Олсон, Сенс присоединяются [Olson, Sens, 1999, p. 89], Ллойд-Джонс, Парсонс — в том же духе: «quae autem sequuntur, senae non iam conveniunt» [Supplementum Hellenisticum, 1983, p. 263].

Мне показалось, что понять концовку стиха помогает пассаж из «Галиевтики» Оппиана (род. ок. 176–180 гг. н. э.), где говорится о морских ежах.

Oppianus, *Halieutica* 2.225–231 (Fajen 1999):

Ἔστι καὶ ὀξύκομοισι νόος καὶ μήτις ἐχίνοις,
οἳ τ' ἀνέμων ἴσασι βίας ζαμενεῖς τε θυέλλας
ὀρνυμένας, νότοισι δ' ἀνοχλίζουσιν ἕκαστος
λαῶν, ὅσον βαρύθοντα περὶ σφετέρησιν ἀκάνθαις
ῥηϊδίως φορέοιεν, ἴν' ἀντία κύματος ὀρμῆ
βριθόμενοι μίμνωσι· τὸ γὰρ τρομέουσι μάλιστα,
μὴ σφὰς ἐπ' ἠιόνεσσι κυκώμενον οἶδμα κυλίση.

Есть ум и смекалка и у колючих морских ежей, которые знают и силу ветров, и неистово вздымающиеся бури. Каждый из них поднимает на спину камень такой тяжести, какой они могут легко носить у себя на колючках, чтобы, утяжелившись, устоять на месте перед натиском волны. Ведь они более всего боятся, что ревущая волна станет катать их по берегу.

Если вернуться к Матрону, то сходство бросается в глаза:

ἐχίνοὺς ῥίψα καρηκομόωντας ἀκάνθαις (М. I. 18)

... περὶ σφετέρησιν ἀκάνθαις (Opp. 2.228)

ὀξυκόμοισι ... ἐχίνοις (Opp. 2.225)

κύματ' ... κλύζεσκε (М. I. 20)

κύματος ὀρμῇ (Opp. 2.229)

κυκώμενον οἶδμα (Opp. 2.231) *kàma e, insuper saepissime glossa* (Fajen 1999)

κυλινδόμενοι (М. I. 19)

κυλίση (Opp. 2.231)

ἐπ' ἠμόνος (М. I. 20)

ἐπ' ἠμόνεσσι (Opp. 2.231)

Возможно, совпадение лексики случайное, поскольку речь идет об одних и тех же предметах: морских ежах, волнах и морском берегу, — или оно объясняется тем, что Матрон и Оппиан подражают одним и тем же стихам Гомера, следуя сходной ассоциации.

Среди источников Оппиана [Oppian Colluthus Thyphiodorus, 1987, pp. XVI–XXIII] в качестве основных называют лексикон Памфилия, утраченное сочинение о рыбах Леонида из Византия I в. до н. э., эпитомы Аристофана Византийского из Аристотеля. Источники Оппиана пересекаются с источниками Афиней и Элиана «De natura animalium», живших позднее и ссылавшихся в свою очередь на Оппиана. В эпической поэме Оппиана, кроме Гомера, есть аллюзии на гексаметры Каллимаха и Аполлония Родосского.

Я предполагаю, что нельзя исключить вероятности и того, что Оппиан так же, как впоследствии Афиней, мог знать гексаметрические пародии с «каталогами» рыб и других морских обитателей, такие как «Hedupatheia» Архестрата из Гелы и поэма Матрона. Правда, во времена Афиней поэма Матрона была уже, видимо, антикварным сочинением, поэтому Афиней (... διὰ τὸ σπάνιον οὐκ ἄν ὀκνήχαμι ὑμῖν ... ἀπομνημονεῦσαι (4.134d)) прозорливо привел ее фактически целиком, сохранив, таким образом, для потомков.

Л. Шеро убедительно доказывает, что Матрон повлиял на греческую и даже, вероятно, латинскую традицию «humorous poets»;

по его мнению, у Луцилия в «Cena rustica» присутствуют аллюзии на поэму Матрона [Shero, 1929, pp. 64–70].

Приведу еще одну параллель. В ст. 33–35 в «каталоге рыб» Матрон сообщает о том, что «прибыла дочь Нереея, среброногая Фетида, с красивыми локонами каракатица (σηπίη εὐπλόκαμος), богиня, способная прекрасно говорить (δεινὴ ἀυδήεσσα), единственная рыба, отличающая черное от белого»²³. εὐπλόκαμος у Гомера *passim* о красивой женской прическе, например, Кирки, Калипсо, Селены и др. Матрон использует прямое и метафорическое значения корня *πλεκ-/πлок-*, говоря о щупальцах сепии и одновременно о гибкости ее ума²⁴. Оппиан, который любит рассуждать об уме своих морских персонажей, сообщает, что каракатица (σηπίη) умна и коварна *δολόμητις*, ее щупальцы он называет *πλόκοι* и *πλοκαμίσι* (Hal. 2. 120–127). В «Кинегетике» у него *πουλύποδες σκολιοί... εὐπλόκαμοι* (3. 172–182).

Так или иначе, пассаж у Оппиана подтверждает, что Матрон как нельзя более удачно приспособил гомеровские стихи с морским берегом к своим строчкам о морских ежах, которых пирующие бросают на пол, словно морская волна во время бури — на берег, где их подстерегают опасности.

Кто и зачем вырывает колючки на голове у морских ежей?

Форма имперфекта *εἴλκων* в ст. 21 делает возможными разные толкования. В первом латинском переводе Афинейя Якобом Далекампом (1556)²⁵ стоит безличная конструкция: *multae radicitus*

²³ Это место заслуживает отдельной статьи: сравнение Матроном каракатицы с богиней возмутило Виламовица и вызвало ядовитую насмешку в адрес комментаторов, которые, толкуя шутки Матрона, размышляют о том, «как мог звучать голос полипа» [Wilamowitz, 1923, S. 74–79]. Через 70 лет ему ответил — в защиту Матрона и его интерпретаторов — блестящим разбором ст. 33–35 знаток античной пародии Энцо Дегани [Degani, 1995, pp. 413–423].

²⁴ Каракатица является одним из самых умных морских животных. Соотношение веса ее мозга к телу не дотягивает до уровня морских млекопитающих, но значительно превосходит уровень рыб и других моллюсков [<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%86%D1%8B> Дата обращения 14.07.2012].

²⁵ *Athenaei Deipnosophitarum libri quindecim cum Iacobi Dalechampii Cado-mensis Latine versione necon eiusdem Aadnotationibus et emendationibus, ad operis calcem reiectis editio postrema iuxta Isaaci Casauboni. Lugduni, 1657.*

evulsae a capita iis spinae sunt (много игл было с корнем вырвано у них из головы).

В комментарии Казобона (1597), до сих пор единственном полном комментарии к Афиней²⁶, эти стихи не обсуждаются.

В переводе Швайгхойзера (1801): *multasque sibi evulserunt radicibus ex capite spinas* (и много они у себя с корнем вырвали из головы колючек). Так и у Пельцера (1855): *multas spinas radicibus sibi evulserunt e capite*. Однако в комментарии Швайгхойзер пишет о другом варианте, на который не решился в переводе: «εἶλκον in tertia perf. acceperam, subintelligens ἑαυτοῖς. At sic εἶλκοντο fuerat dicendum. **Fuerit igitur prima perf. sing. ego extraxi, evulsi illis**». «Я принял чтение εἶλκον в 3 л. перфекта, подразумевая ἑαυτοῖς “у себя”, но тогда нужно было бы сказать εἶλκοντο. Возможно, <здесь> первое лицо единственного числа “я вытащил, я вырвал”».

Через 125 лет Гюлик учел сомнения Швайгхойзера и перевел первым лицом: *and many were the spines I pulled by the roots from their heads*.

Виламовиц считал, что Матрон бросает ежей на пол, предварительно вырвав колючки [Wilamowitz, 1962, S. 333 (1923, S. 77)].

Брандт в комментарии к Матрону [Brandt, 1888, p. 75] писал, что речь идет о слугах, которые подбирают с пола ежей и, прежде чем съесть, вырывают из них колючки: *pueri echinos a Matrone proiectos spinis extractis comedunt*.

Так же думает и Конделло (2002) [Condello, 2002, pp. 138–141].

Если моя реконструкция того, как подавали и ели морских ежей в античности, верна, то оба последних варианта мне кажутся абсурдными.

В переводе Олсона и Сенса ежи сами вырывают у себя из головы колючки: *and they pulled many spines out by the roots from their head*. Олсон, Сенс считают, что действительный залог εἶλκον используется в значении медиального (при этом параллелей такого употребления ἔλκω они не приводят, их действительно нет) и что ежи рвут на себе колючки, как гомеровский Агамемнон

²⁶ Isaaki Casauboni Animadversionum in Athenaei Deipnosophistas libri quindecim. T. I–III. Lipsiae, 1796–1843.

рвет волосы на голове в страхе, что не сможет справиться с троянцами²⁷.

Идея, что ежи рвут на себе волосы — жест отчаяния («*l'estrema afflizione*») — кажется Конделло несколько странной («*pare alquanto bizzarra*», 139). Это, а главное — отсутствие примеров для активного ἔλκω в медиальном значении, Конделло считает уязвимой стороной построения Олсона, Сенса, поскольку он не нашел подобных примеров с ἔλκω в текстах VIII–I вв. до н. э. [Condello, 2002, p. 139. N. 26]²⁸. Со своей стороны, он выстраивает интересное и хорошо обоснованное доказательство того, почему рассказчик не ест ежей, но бросает их слугам. Он приводит параллели из комедии для мотива «есть рыбу с костями или с головой — это для бедных и/или дурно воспитанных». Эта мысль подтверждается поговоркой οὐ γάρ ἄκανθαί [Condello, 2002, p. 140]. При этом ἀντάρ он понимает в прогредиентном значении: рассказчик отказался от соленой рыбы, а затем и от морских ежей.

У меня возражение только одно: Матрон уже отказался от овощей «в пользу бедных», от соленой рыбы «в пользу финикийцев», вряд ли он откажется и от деликатеса в пользу слуг. Судя по его же словам, на следующий день его ждет весьма скудный обед, сыр да каша: γευσάμενος δ' ἔκλαιον, ὃ τ' αὔριον οὐκέτι ταῦτα / ὄψομαι, ἀλλά με δεῖ τυρῶ καὶ μάζῃ ὀτρηνῇ (I. 91–92). Можно предположить, что профессия пародиста не приносила больших доходов. Сохранилась надпись из Эретрии 340 г. до н. э. (IG XII 9, 189), в которой перечисляются гонорары участников мусических агонов. Пародисты занимают в этом списке последнее место, в отличие от остальных они имеют лишь две, а не три номинации, их гонорар за первое место — 50 драхм, для сравнения у рапсодов — 200, а за второе — 10 драхм, у рапсодов — 150. Прозвище Гегемона из Фасоса, который, по словам Аристотеля, стал первым выступать с пародиями (1448 а 12), было Φακῆ «чечевица, чечевичная похлебка».

²⁷ Их объяснение заключается в том, что, согласно Аристотелю (НА 530b18–20), головой (кефале) у ежей является та часть, на которой нет колючек, но находится рот, и которой они прикрепляются ко дну, камню или другой поверхности. Они приводят примеры из Аристотеля, Архестрата и Оппиана, где колючки морских ежей сравниваются с волосами на голове [Olson, Sens, 1999, pp. 88–89].

²⁸ Это подтверждается и отсутствием примеров у Швицера-Дебрюнера [Schwyzer, 1988, S. 230–236].

Что касается глагола εἶλκω, форма действительного залога которого режет слух, то это не единственное место у Матрона, где возникают «недоразумения» подобного рода. В ст. 6 τάων (f.) относится к ἄρτους (m.): «хлебы (ἄρτους) столь прекрасны, пышны, белее снега..., что даже Борей влюбился в них (τάων)». В ст. 12 генитив ὀπτανιάων (f.) — от ὀπτανίων (n.). В стт. 119–120 отсутствует логическая связь с предшествующей мыслью. Во всех этих случаях комментаторы великодушно предполагают в тексте Матрона лакуны, возникшие по вине Афиней или переписчика Афиней²⁹.

Что же касается странного поведения ежей, то похоже, что Матрон, сочиняя пародию, держал в уме начало 10-й песни «Илиады», где речь идет о том, что ночью Агамемнон не спит из-за страха перед троянцами; в сохранившихся 142 стихах «Аттического пира» Матрон дважды (см. выше) обращается к началу этой песни (10.15 и 10.199). У Гомера Агамемнон дрожит (τρομέοντο II. 10.10), в страхе он рвет на себе волосы (II. 10.15), дрожат колени (τρομέει II. 10.95). Любопытно, что Оппиан, описывая страх ежей перед морской волной, которая может выбросить их на берег, использует тот же гомеровский глагол τρομέουσι:

... τὸ γὰρ τρομέουσι μάλιστα,
μὴ σφὰς ἐπ' ἠιόνεσσι κικώμενον οἶδμα κυλίση (Hal. 2. 230-31).

У Матрона ежи рвут на голове волосы в страхе, что «выброшенные на берег» попадут под ноги слуг. На мой взгляд, перенос описания состояния Агамемнона на состояние... морских ежей мог позабавить аудиторию Матрона и Оппиана.

Наконец, не противоречит ли такое эмоциональное поведение морских ежей стилю пародии Матрона в целом? Нет, это не единственный пример. В «Каталоге рыб», когда во время пира одно за другим вносят рыбные блюда, рефреном повторяются ἦλθε 22, 33, 50 εἰσῆλθε 59, βαίνε 48, ἔποντο 60 и о каждом новом прибывающем персонаже, как и о каждом предводителе контингента ахейцев или троянцев в «Каталоге кораблей», сказано что-то характерное. Нередко рыбы ведут себя эксцентрично.

²⁹ См. различные толкования этих мест у Олсона, Сенса [Olson, Sens, 1999, pp. 78–79; 142–143].

Например, в ст. 52–54:

οἷη δ' αὖ θύννου κεφαλὴ θαλαμηιάδαο
νόσφιν ἀφειστήκει, **κεχολωμένη εἵνεκα τευχέων**
αἰρομένων· τὸ δε πῆμα θεοὶ θέσαν ἀνθρώποισι.

Лишь голова Тунца, сына Талама, стояла в стороне, гневаясь из-за отнятых доспехов. Это несчастье устроили людям боги.

Слушатели пародии Матрона легко могли догадаться, что наш тунец — другой Аякс, даже не помня в точности стихов из «Одиссеи» 11. 553–555:

Ἄϊαν, **παῖ Τελαμῶνος** ἀμύμονος, οὐκ ἄρ' ἔμελλες
οὐδὲ θανῶν λήσεσθαι ἐμοὶ **χόλου εἵνεκα τευχέων**
οὐλομένων; τὰ δὲ πῆμα θεοὶ θέσαν Ἀργείοισι·

Голова тунца, видимо, была подана на пиру отдельно, в этом и причина гнева — отняли «доспехи», с другой стороны, выражение θύννου κεφαλὴ θαλαμηιάδαο построено по образцу гомеровского перифраза для «Ахилла Пелеида», следующего дальше в ст. 11. 557: Ἀχιλλῆος κεφαλῇ Πηληιάδαο. Добавлю к этому наблюдению Олсона и Сенса,³⁰ что θαλαμηιάδαο, на мой взгляд, пародирует Τελαμωνιάδης (Il. 13, 709).

Интерпретация пародии зависит от подхода к самому понятию пародии. Мне ближе мысль, которую афористически высказал Виламовиц, считавший излишним постулировать лакуны в «шероховатых» местах и признававший, что само отсутствие смысла уже может быть смешным: «Es störte sie (sc. Hörer) nicht, wenn's auch Unsinn war, denn lachen kann man auch über Unsinn» [Wilamowitz, 1962, S. 331 (75)]³¹. В какой-то мере абсурдность картины с ежами объясняется центонным характером пассажа³².

³⁰ Они пишут, что гапакс Матрона θαλαμηιάδαο построен по модели патронимиков, как Πηληιάδαο, из слова θαλάμη в значении «нора, в которой прячутся рыбы» [Olson, Sens, 1999, p. 107].

³¹ Этой же тенденции придерживаются и Олсон, Сенс в своих комментариях: «...the work of <...> Matro is clearly intended to be side-splitting funny and... draws much of its effect from the audience's recognition that specific epic models have been put to absurd new uses» [Olson, Sens, 2000, XXXV].

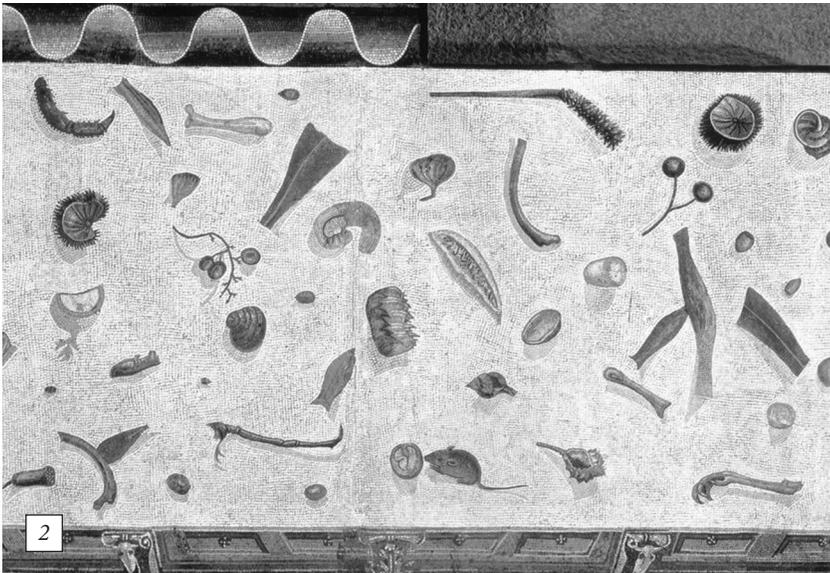
³² О невозможности избежать в центоне разного рода «нестыковки» пишет Дегани [Degani, 1995, p. 420].

Центон — стихотворное «лоскутное одеяло» — рассчитан на аудиторию, обладающую слуховой памятью на стихи, поскольку воспроизводит одновременно как минимум два контекста, и слушатель получает удовольствие от узнавания хорошо знакомых строк. В Греции центоны складывали, по большей части, из стихов Гомера, в Риме — Вергилия (Авзоний, Гостилий Гета), в России — Пушкина³³. У Матрона место с ежами, как было показано выше, является почти полным центоном из гомеровских стихов³⁴.

Таким образом, в центонных стихах гастрономической пародии Матрона I. 18–21 представлена эффектная картина: «кудреглавые» морские ежи, брошенные на пол во время пира, словно вынесенные бурей на берег, в страхе перед опасностью рвут колючки у себя на голове.

³³ У Тимура Кибирова в «Трех поэмах» (2008) «Рекламная пауза 1» представляет собою сплошной центон из онегинских стихов (благодарю Марион Руц (университет Трира) за возможность познакомиться с выполненным ею построчным сопоставлением стихов). Есть у Кибирова и стихи, сделанные вполне в технике Матрона. Например, «Вступительный центон» к «Трем поэмам»: *С необычим выраженьем рожи / Я скромно кланяюсь прохожим. / Но сложное понятней им. / А мы... Ничем мы не блесним. Или: Мораль из моды вышла ныне, / А православие вошло. / Уж так вошло, что все едино — / Писать об этом запахло. / Пристойней славить смерть и зло.* Михаил Сухотин, современный мастер центонов, использовал отнюдь не только пушкинские стихи: [Сухотин, 2001].

³⁴ В ст. 18 в знаменитой формуле о кудреглавых ахейцах $\kappa\alpha\rho\kappa\rho\mu\acute{o}\omega\nu\tau\alpha\varsigma$ Ἀχαιοῦς слово Ἀχαιοῦς заменено созвучным метрическим эквивалентом ἀκάνθαῖς, в ст. 19 вместо коней — слуги, в ст. 20 гомеровский стих приведен целиком, а в ст. 21 изменено только одно слово — снова ἀκάνθαῖς в конце стиха, на этот раз вместо гомеровского $\chi\alpha\iota\tau\alpha\varsigma$ волосы. Глагол εἶλκων *metri gratia* стоит в действительном залоге вместо медиального. Первым гексаметрическим пародийным центоном считаются стихи Евбея с Пароса, который жил за два поколения до Матрона. Однако сохранившиеся два с половиной стиха [Brandt, 1888, p. 52] не дают представления о технике центона.

Античные мозаики, выполненные в стиле «Неприбранный дом»
(Rom, Vatikanische Museen Inv. 10132, 130 n. Chr.), по книге:
*Andreae B. Antike Bildmosaiken. 2 Aufl. Darmstadt; Mainz:
Philipp von Zabern, 2012 (2003). S. 47–48.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афиней*. Пир мудрецов. Кн. I–VIII / изд. подг. Н. Т. Голинкевич, М. Г. Витковская, А. А. Григорьева и др. М.: Наука, 2003. 656 с.
2. *Сухотин М.* Центоны и маргиналии. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 152 с.
3. *Andreae B.* Antike Bildmosaiken. 2 Aufl. Darmstadt; Mainz: Philipp von Zabern, 2012. 319 p.
4. *Apicius l'art culinaire.* Text ét. J. André. 9 éd. Paris, 1974. XXXII, 234 p.
5. *Apicii decem libri qui dicuntur de coquinaria et excerpta a vinidario conscripta* / ed. M. Milham. Leipzig: B. G. Teubner, 1969. XVI, 116 S.
6. *Athenaei Deipnosophistarum libri quindecim cum Iacobi Dalechampii Cadomensis Latine versione necon eiusdem adnotationibus et emendationibus, ad operis calcem reiectis editio postrema iuxta Isaaci Casauboni.* Lugduni: Hugueta et Ravaud Lyon, 1657. 812 p.

7. *Athenaeus*. The Deipnosophists / with an English transl. by Ch. B. Gullick. Vol. II. London: W. Heinemann; Cambridge: Harvard University Press, 1987. 616 p.
8. *Brandt P.* Parodorum epicorum Graecorum et Arcestrati reliquiae. Lipsiae: Teubneri, 1888. 228 p.
9. *Isaaki Casauboni Animadversionum in Athenaei Deipnosophistas libri quindecim*. T. I–III. Lipsiae, 1796–1843.
10. *Condello F.* Note al Convivium Atticum di Matrone (fr. I O.-S. = SH 534) // *Eikasmos*. XIII (2002). Pp. 133–150.
11. *Curtis R.I.* Ancient food technology. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. 541 p.
12. *Daremberg Ch., Salio E.* Dictionnaire des Antiquités Grecque et Romaines. T. II, p. 1. Paris: Librairie Hachette, 1892. 946 p.
13. *Degani E.* Problems in Greek gastronomic poetry. On Matron's Attikon Deipnon // *Food in Antiquity* / ed. by J. Wilkins, D. Harvey and M. Dobson. Exeter: University of Exeter Press, 1995. Pp. 413–428.
14. *Denniston J. D.* The Greek particles. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1954. LXXXII, 658 p.
15. *Ebeling H.* Lexicon Homericum. Vol. I. Hildesheim: Olms, 1963. 1184 S.
16. *Geta O.* Medea / ed. G. Salanitro. Rome: Edizioni dell'Ateneo, 1981. 176 p.
17. *Keller O.* Antike Tierwelt. B. 2. Leipzig: Engelmann, 1913. 619 S.
18. *Lexikon des frühgriechischen Epos* / Begr. B. Snell. B. 1. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. S. 1563–1579.
19. *Olson S. D., Sens A.* Matro of Pitane and the Tradition of Epic Parody in the Fourth Century BCE / text, transl. and comm., American Philological Association. (American Classical studies. № 44.) Atlanta: Scholars Press, 1999. XIV, 174 p.
20. *Olson S. D., Sens A.* Archestarchos of Gela. Greek cultural and cuisine in the fourth century BCE. Oxford; New York: Oxford University Press, 2000. LXXXIII, 261 p.
21. *Oppian, Colluthus, Thyphiodorus*, transl. by A.W. Mair. Cambridge: Harvard University Press; London: W. Heinemann, 1987. LXXX, 635 p.
22. *Peltzer B. I.* De parodica Graecorum poësi et de Hipponactis, Hegemonis, Matronis parodiarum fragmentis commentatio philologica. Monasterii: Typis Theissingianis, 1855. 68 p.
23. *Schneider M.* Zu Matron // *Philologus*. Goettingen, 1894. S. 381–383.
24. *Schweighaeuser I.* Animadversiones in Athenaei Deipnosophistas post I. Casaubonum. T. 2. Argentorati, Soc. Bipontinae, 1802. 625 p.
25. *Schwyzler E.* Griechische Grammatik // *Handbuch des Altertumswissenschaft*. Abt. 2, Teil 1. Bd. II Syntax und syntaktische Stilistik / Vervollst. u. hrsg. von A. Debrunner. 5 Aufl. München: Beck, 1988. XXIII, 714 S.

26. *Sens A.* “Τίπτε γενὸς ἐμὸν ζητεῖς;”: Batrachomyomachia, Hellenistic Epic Parody, and Early Epic // F. Montanari, A. Rengakos. La poésie épique grecque: métamorphoses d'un genre littéraire. Genève: Fondation Hardt, 2005. XIII, 334 p.
27. *Shero L. R.* Lucilius's *Cena rustica* // *American Journal of Philology*. 50 (1929). Pp. 64–70.
28. *Soler J. G.* El arte de comer en la Antigua Grecia. Madrid: Biblioteca Nueva, 2001. 462 p.
29. *Stemplinger E.* *Das Plagiat in der griechischen Literatur*. Leipzig; Berlin: Teubner, 1912. VI, 293 S.
30. *Supplementum Hellenisticum*, ed. H. Lloyd-Jones, P. Parsons. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1983. XXXI, 863 p.
31. *Thompson d' Arcy W.* A glossary of Greek fishes. London, Oxford University Press, 1947. 302 p.
32. *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* *Leserfrüchte und Verwandtes. Kleine Schriften. IV.* Besorgt von K. Latte. Berlin, Akademie-Verlag, 1962. VIII, 721 S. (Hermes. 58 (1923). S. 57–86).

REFERENCES

1. Afinei. *Pir mudretsov*: Kn. I–VIII, izd. podg. N.T. Golinkevich, M.G. Vitkovskaia, A.A. Grigor'eva i dr. [The Banquet of the Learned, Books 1–8, ed. by N.T. Golinkevich, M.G. Vitkovskaya, A.A. Grigorieva et al.]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 656 s.
2. Sukhotin M. *Tsentony i marginalii* [Centos and Marginalia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 152 s.
3. Andreae B. *Antike Bildmosaiken*. 2 Aufl. Darmstadt; Mainz, Philipp von Zabern, 2012. 319 p.
4. *Apicius l'art culinaire*. 9 éd. Text ét. J. André. Paris, 1974. XXXII, 234 p.
5. *Apicii decem libri qui dicuntur de coquinaria et excerpta a vinidario conscripta*, ed. M. Milham. Leipzig, B. G. Teubner, 1969. XVI, 116 S.
6. *Athenaei Deipnosophistarum libri quindecim cum Iacobi Dalechampii Cadomensis Latine versione necon eiusdem adnotationibus et emendationibus, ad operis calcem reiectis editio postrema iuxta Isaaci Casauboni*. Lugduni, Huguetan et Ravaud Lyon, 1657. 812 p.
7. Athenaeus. *The Deipnosophists*, with an English transl. by Ch. B. Gulick. Vol. II. London, W. Heinemann; Cambridge, Harvard University Press, 1987. 616 p.
8. Brandt P. *Parodorum epicorum Graecorum et Arcestrati reliquiae*. Lipsiae, Teubneri, 1888. 228 p.

9. *Isaaki Casauboni Animadversionum in Athenaei Deipnosophistas libri quindecim*. T. I–III. Lipsiae, 1796–1843.
10. Condello F. Note al Convivium Atticum di Matrone (fr. I O.-S. = SH 534). *Eikasmos*. XIII (2002). Pp. 133–150.
11. Curtis R.I. *Ancient food technology*. Leiden; Boston; Köln, Brill Academic Publishers, 2001. 541 p.
12. Daremberg Ch., Salio E. *Dictionnaire des Antiquités Grecque et Romaines*. T. II, p. 1. Paris, Librairie Hachette, 1892. 946 p.
13. Degani E. *Problems in Greek gastronomic poetry. On Matron's Attikon Deipnon*. Food in Antiquity, ed. by J. Wilkins, D. Harvey and M. Dobson. Exeter, University of Exeter Press, 1995. Pp. 413–428.
14. Denniston J.D. *The Greek particles*. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1954. LXXXII, 658 p.
15. Ebeling H. *Lexicon Homericum*. Vol. I. Hildesheim, Olms, 1963. 1184 S.
16. Geta O. *Medea*, ed. G. Salanitro. Rome, Edizioni dell'Ateneo, 1981. 176 p.
17. Keller O. *Antike Tierwelt*. B. 2. Leipzig, Engelmann, 1913. 619 S.
18. *Lexikon des frühgriechischen Epos*. Begr. B. Snell. B. 1. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. S. 1563–1579.
19. Olson S.D., Sens A. *Matro of Pitane and the Tradition of Epic Parody in the Fourth Century BCE*, text, transl. and comm., American Philological Association. (American Classical studies. № 44.) Atlanta, Scholars Press, 1999. XIV, 174 p.
20. Olson S.D., Sens A. *Archestarchos of Gela. Greek cultural and cuisine in the fourth century BCE*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2000. LXXIII, 261 p.
21. *Oppian, Colluthus, Thyphiodorus*, transl. by A.W. Mair. Cambridge, Harvard University Press; London, W. Heinemann, 1987. LXXX, 635 p.
22. Peltzer B.I. *De parodica Graecorum poësi et de Hipponactis, Hegemonis, Matronis parodiarum fragmentis commentatio philologica*. Monasterii, Typis Theissingianis, 1855. 68 p.
23. Schneider M. Zu Matron. *Philologus*. Goettingen, 1894. S. 381–383.
24. Schweighaeuser I. *Animadversiones in Athenai Deipnosophistas post I. Casaubonum*. T. 2. Argentorati, Soc. Bipontinae, 1802. 625 p.
25. Schwyzer E. *Griechische Grammatik*. Handbuch des Altertumswissenschaft. Abt. 2, Teil 1. Bd. II Syntax und syntaktische Stilistik, Vervollst. u. hrsg. von A. Debrunner. 5 Aufl. München, Beck, 1988. XXIII, 714 S.
26. Sens A. “*Τίποτε γενὸς ἐμὸν ζητεῖς;*”: *Batrachomyomachia, Hellenistic Epic Parody, and Early Epic*. F. Montanari, A. Rengakos. La poésie épique grecque: métamorphoses d'un genre littéraire. Genève, Fondation Hardt, 2005. XIII, 334 p.

27. Shero L.R. Lucilius's *Cena rustica*. *American Journal of Philology*. 50 (1929). Pp. 64–70.
28. Soler J.G. *El arte de comer en la Antigua Grecia*. Madrid, Biblioteca Nueva, 2001. 462 p.
29. Stemplinger E. *Das Plagiat in der griechischen Literatur*. Leipzig; Berlin, Teubner, 1912. VI, 293 S.
30. *Supplementum Hellenisticum*, ed. H. Lloyd-Jones, P. Parsons. Berlin; New York, W. de Gruyter, 1983. XXXI, 863 p.
31. Thompson d' Arcy W. *A glossary of Greek fishes*. London, Oxford University Press, 1947. 302 p.
32. Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Leserfrüchte und Verwandtes. Kleine Schriften*. IV. Besorgt von K. Latte. Berlin, Akademie-Verlag, 1962. VIII, 721 S. (Hermes. 58. (1923). S. 57–86).

Ермолаева Елена Леонидовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Elena Ermolaeva

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: elena.ermolaeva304@gmail.com